

Сергей Филиппов (Серж Фил)

Аист

Абсолютно правдивый
роман в стихах

Сергей Филиппов (Серж Фил)

Аист. Абсолютно правдивый роман в стихах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23140773
ISBN 9785448376405*

Аннотация

Четверо мужчин собираются на двадцатую годовщину смерти их друга. Вскоре после этого с ними случаются различные трагические происшествия, в результате которых они оказываются на грани жизни и смерти. В больнице, куда все они попадают, с ними происходит событие, которое резко изменяет их отношение к своим жизням, и совершается переоценка нравственных ценностей. Действие романа разворачивается как в наше время, так и в ином пространственно-временном измерении.

Содержание

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРИВЯЗКА К МЕСТУ ДЕЙСТВИЯ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДВАДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА	13
1	13
2	16
3	18
4	21
5	24
6	27
7	31
8	34
9	39
ГЛАВА ВТОРАЯ. СЕРЁЖКА	44
1	44
2	46
3	48
4	50
5	54
6	56
7	58
8	61
9	63
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЛЁВКА	68

1	68
2	70
3	72
4	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Аист
Абсолютно правдивый
роман в стихах

Сергей Филиппов
(Серж Фил)

Иллюстратор Сергей Викторович Филиппов

© Сергей Филиппов (Серж Фил), 2017

© Сергей Викторович Филиппов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7640-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРИВЯЗКА К МЕСТУ ДЕЙСТВИЯ

В Антарктиде седой холода, много льда,
Скалят рты западни в виде трещин,
Выживают здесь только пингвины стада
Да ещё горсть людей (даже женщин!).

Злой мороз из солярки густой холодец
Приготовит, как шеф в «Метрополе»,
Механизму любому приходит конец,
Чуть ослабь он болты силы воли!

Лишь на ней выжить можно в суровом краю,
Где и летом мороз уши крутит,
А ветра не хотят прятать удаль свою, —
Антарктида сурова, не шутит!

Но не в эту часть света сюжет манит нас,
Не отсюда начнём свой рассказ.

На равнинной пустыне жжёт солнечный диск
Коренного народа остатки,
Всяк из них гол и бос, но отнюдь не нудист,
Здесь издревле такие порядки.

Да, в Австралии множество разных причуд,
Континент этот странный по сути:
Млекопитающие здесь даже яйца несут,
Как какие-то гуси иль ути!

Тут работа почётна и вольно житьё —
Уважают друг друга народы —
Каторжане неплохо создали своё
Государство труда и свободы!

Нет, не в эту часть света сюжет манит нас,
Не отсюда начнём свой рассказ.

В колыбели из двух океанских глубин
Континент, по размерам не малым,
Был недавно ещё идеально един,
Но теперь вот разорван каналом.

Крайний юг в холодах, крайний север во льдах,
Но зато в серединке кайфово!
Я с любовью Америку славлю в стихах,
Не жалея хвалебного слова!

Много тайн Амазонская сельва хранит —
Вот фантазии жизни питомник! —
Буйность вольной природы с ней слиться манит,
Я бы с радостью стал там паломник!

Кордильеров и Анд позвоночник силён —

Держит тяжесть обеих Америк —
Материк им надёжно и жёстко скреплён,
Но обрывист, скалист левый берег.

Правый берег – сплошной копошащийся пляж
От Бразилии вверх до Канады,
Круглый год в те места совершают вояж
В рай попасть захотевших отряды.

Эх, не в эту часть света сюжет манит нас,
Не отсюда начнём свой рассказ!

Сверху очень похож на большой пистолет, —
Хоть бери и стреляй метко в цели, —
Это Африка, знойный чудной континент
(Много в ней европейцев поели)!

Вот – пустыня, где смерть надвигает пески
И без масла всё жарит живое,
А не сжаришься если, то сдохнешь с тоски
И изведаешь, ад, что такое!

Вот – упрямой гурьбой мчит в просторе саванн
Антилоп миллионное стадо,
Но судьбой беспощадно им вектор задан —
На пути не одна ждёт засада!

Вот – слоны, носороги, гиены, жираф,
Обезьяны (с кем сходство имеем),

На десяток от жизни отставшие глав —
Малорослые люди-пигмеи.

Что не жить тут? Сиди, открывай только рот
Между пальмами райского сада,
И в него непременно с ветвей упадёт
Не кокос если, то – авокадо!

Жаль, не в эту часть света сюжет манит нас,
Не отсюда начнём свой рассказ!

Вот ещё континент, до вершин полный тайн, —
Жизни нашей разумной источник! —
Говорят, будто все мы сошли с Гималай,
Разбредились по земле в сотни точек.

В мощных Азии недрах спокойствия нет:
Пеплом в небо плюются вулканы,
То Курилы трясёт, то Кавказ, то Тибет,
Тут и там на земле язвы, раны.

Вот – суровая тундра, в ней славно живут
Горсть якутов да чуточка чукчей,
Песни сладко поют, оленину жуют,
И земли им не надобно лучшей!

Вниз, на юг, понатыкано множество стран,
А народу – упасть негде вишне:
Индонезия, Индокитай, Индостан

Верят Будде, Аллаху и Кришне.

Эх, богатств азиатских просторов не счесть!
А, считать захотевший, собьётся,
Кроме лысого чёрта здесь всё вроде есть,
Да и тот, поискать коль, найдётся!

Но опять не сюда наш сюжет манит нас,
Не отсюда начнём свой рассказ!

Называют Европу старушкой шутя —
Тут и горы состарились даже,
Но они, осыпаясь и грустно кряхтя,
Всё ж стоят у Европы на страже!

В тех местах, где их нет, там ветра и вода
Дерзко мучают низменный берег,
Океан Ледовитый плюёт холода
И доводит людей до истерик!

А на юге далёком – субтропиков рай,
Пляжи, полные голой натурой!
Раз в Европе живёшь, не спеша выбирай
Между тёплой Ривьерой и тундрой!

В очень давние годы стекались сюда
Отовсюду людские потоки,
И из них получилась смешная бурда —
Вряд ли кто свои знает истоки!

И вот именно в эту часть света вёл нас
Наш сюжет, здесь начнём свой рассказ!

Есть в Европе местечко не лучше других,
А, скорее всего, много хуже,
Расположено между морями, и с них
То циклонов нагонит, то стужи.

Здесь когда-то рыбачил и зверя ловил
Финский люд, не воинственный, тихий,
Жил неплохо, но вдруг на него накатил
Вал славян-дикарей многоликий!

Или место им это пришлось по душе,
Или, может, народы другие
Не могли с ними рядом ужиться уже
И прогнали их в дебри лесные?

Как бы ни было там, наши предки навек
Здесь осели и нам завещали,
Чтобы землю, изрытую сотнями рек,
Мы любили, блюли, защищали!

Мы сюжет свой начнём с середины реки
Не великой, но бьющей красою,
Берега её – скалы – красны, высоки,
Омываются чистой водою.

Всё, довольно прелюдий и выпрених фраз,
Начинаем правдивый рассказ!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДВАДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА

*«Потому что любовь – это вечно любовь,
Даже в будущем вашем далёком!» — В.
Высоцкий.*

*«Зарыты в нашу память на века
И даты, и события, и лица» — В. Высоцкий.*

1

Аист гнёзд не вил над Сиверской лет двадцать,
И, казалось бы, ну что ему бояться?
Ведь никто, со зла ль, по дурости при встрече
Не швырял в него тугой горох картечи.
И охотников ведь был союз немалый —
Филимонов Вовка, Барсов, Гвоздь удалый!
Но любой из них, пусть даже в опьянении,
Сберегал прекрасной птицы оперенье!

Снег легавые пахали животами,
Пену клочьями роняя под кустами,
Об осколки наста лапы в кровь сбивая,
По полям горбатым петли нарежая.

А по лету, в утра бодреньком рассвете,
«Тулки» ахали с протяжным стоном плети,
Недопевший рябчик падал спозаранку
В росы трав, как на скатёрку-самобранку.
Браконьерили, и плохо грех скрывали,
С бреднем малым дно песчаное топтали,
Речку крыльями мерёжки обнимали
И утробы рыбой плотно набивали.
А потом на бережке, том, что пониже,
К костерку незлому сдвинувшись поближе,
Под стопарик и ушицы испаренье
Получали неземное наслажденье!
Но, каким бы, всё ж, грешком не увлекались,
Над природой никогда не издевались,
Больше меры не хватали ртом жадливым
И по аистам не били горделивым.

Как пропали птицы бело-чёрной масти,
Так порвалось счастье хрупкое на части,
Не прикрыло кожей свежую болячку,
Не пошла жизнь – похромала в раскорячку!
Где-то аисты те двадцать лет пробыли?
Очень многим род, наверное, продлили!
Прилетели, но не просто, мол, вернёмся
А, как будто видя: мы без них свихнёмся!
Вот, красавец, гордо по полю шагает,
Клювом-шприцем словно землю прививает,
Может, лечит он её больное тело?
К нам вернулся аист, значит – будет дело!

2

На высоком берегу по-над рекою,
В негустом столпотворении сосновом,
Где стоишь так близко к жизненным основам, —
Место лучшее сердечному покою.
Предки наши пусть темны, но много знали, —
Их прогресс ещё научный не испортил
И компьютерный жучок умы не скорчил! —
Под погост места душою выбирали!
И в местах тех удивительно сливалось:
Скорбь о близком, неожиданность утраты
С тем, что сам ты ляжешь в землю тут когда-то,
Но не страх в душе, спокойствие рождалось.
Каждый будет тут когда-то новосёлом,
Так не скалься, присмотрись к своей квартире,
Мы всего-лишь гости в этом чудном мире,
Потому и в настроении весёлом.
Там, за гранью, нет весёлости, поверьте,
Правда, скорби и печали нету тоже, —
Горечь слёз ненужных лить совсем негоже
У себя в дому, в ином, пускай, он свете!

Я на кладбище душою отдыхаю,
Мне её как будто гладит кто рукою,
И, отдав себя в объятия покою,
Я о жизни и о смерти размышляю...

Ну-с, довольно нам бродить вокруг да рядом,
Философский камень грызть, ломая зубы,
В мир потУсторонний впяливаться взглядом,
И без нас его, дай срок, пробудят трубы!
Что ж, пора свести с героями знакомство,
Посмотреть им в лица и, конечно, в души, —
Да простят они нам наше вероломство! —
Так вперёд, раскрыв сердца, глаза и уши!

У могилки, коей дарит тень рябина,
 Два задумчивых сидели гражданина,
 Не печаль у них на лицах, но серьёзность,
 У того, что потучней, в руках нервозность.
 Он тяжёл своим лицом, дороден телом,
 Щётка усиков под носом загорелым,
 Взгляд зелёных глаз тревогу выражает,
 А язык сухие губы увлажняет.
 Тот, кто рядом с ним, пониже, похудее,
 Неказистою бородкою владеет,
 И в лице его серьёзность посильнее,
 Знать, покалывает что-то в нём больнее.
 С невысокой, бронзой крашеною стелы,
 Улыбался морячок, по виду смелый,
 Несомненно, симпатичный, в бескозырке
 С неразборчивою надписью на бирке.

– Может, вмажем по глотку? – вздохнул дородный, —
 Ждать – воистину тяжёлая работа!
 Я ж с утра непохмелённый и голодный,
 А Танталом быть мне, Саня, неохота!

Бородатый, взгляд со стелы не снимая,
 Лишь плечом пожал, потом сказал без чувства:
 – Неужели жажда сильная такая?

Что-то, Лёнька, на тебя смотреть мне грустно!

– На фига смотреть? Тебя не заставляют,
Вот ведь чёрт, все знают, что мне в жизни нужно!
Все на правильную тропку наставляют,
Благородство из себя давя натужно!

– Не учу тебя я, ты же не ребёнок,
В сорок пять учить, что лбом сдержат цунами,
Сам прекрасно знаешь, что от пьяных гонок
Не прибудет ни в умишке, им в кармане!

– Хорошо, пускай мозгами я калека,
Ну, быстрее загнусь – скорей с Серёгой встречусь,
Это лучше, чем нудить, как вы, полвека!
Ладно, выпью я, а то ведь обесцвечусь!

Лёнька влил в стакан чуток, потом добавил,
Посмотрел на водку, дёрнулся плечами,
После внутрь себя в один глоток отправил,
И из глаз довольство вытекло слезами.

Сашка краем рта лишь грустно улыбнулся,
Наблюдая Лёньки Удовлетворенье,
Пред могилой руки вздел в недоуменьи
И, сказав: – Вот так, Серёжка! – отвернулся.

Правый берег виден был, как на ладони:
Изумрудный коврик в жёлтом окраплении,

Там паслись две-три козы, овечки, кони...
Пара аистов шагала в отдаленьи.
Сашка видит их, рука рвёт с треском ворот,
Тот, которого и нет, но как он душит!
Забивает гвозди в темя сердце-молот
И спокойствие души нещадно рушит.
Высох рот, глаза же влажно заблестели,
Мысли выются в голове, как рой пчелиный,
Изливаются наружу дрожью в теле,
Будто Сашка, а не Лёнька пленник винный!

Лёнька друга состоянье замечает,
Взор довольный свой на берег направляет,
Но довольство гаснет, как искра на взлёте,
Побуждая Лёньку к умственной работе:
– Это аистов там, что ли, ходит пара?
Или глюки, не спросясь, залезли в глазки?
Ну-ка, Сань, потрогай лоб мне, нет ли жара?
Если нет – всё это выдумки и сказки!

– Нет, не сказки это, Лёнька, и не чудо,
Это – знак, нам явно кем-то подаваем,
Неизвестно, для чего, да и откуда,
Но, быть может, это скоро мы узнаем...

Лучше детства может быть одно лишь – юность!
Так она и есть чуть взрослое, но – детство!
На умы не скоро, ох, не скоро мудрость,
Поселившись в головах, окажет действо!

В самом чудном месте шарика земного
Шустрый Оредеж, как гончий пёс петляя,
Скалы красные упорно подмывая,
Тонет в Луге, чтоб тотчас родиться снова.
И потом они вдвоём, легко и ровно,
Катят воды вдаль, солидности добравши,
А, войдя в залив и частью моря ставши,
Вдруг угаснут, окунувшись в дрему словно...

Десять первых лет Серёжки пролетели,
Как во сне в пуховой шёлковой постели —
Без каких-то ярких, сочных впечатлений,
Без счастливых и печальных потрясений.
Да какие потрясения в эти годы?
Ну, быть может, только собственные роды?
Но, по счастью, шок, что мы переживаем
От рожденья, он навечно забываем!
Но ещё такого в свете не бывало,
Чтобы горе хоть кого-то миновало!
Пусть оно имеет разные личины,

Но приходит к нам отнюдь не без причины.
И себе иммунитет мы прививаем
Тем, как с этим, первым, горем совладаем,
И идём по жизни: в ком-то радость, бодрость,
Ну, а в ком-то равнодушие и злобность!..

Шёл Серёжка на рыбалку ранним часом,
Солнце только в мир взглянуло сонным глазом,
Воздух сочен, свеж, без капельки изъяна,
Изумруд травы под простынью тумана.
Пять минут ходьбы, и вот родная речка,
Вот заветное уловное местечко,
Здесь всегда плотва голодная шныряет,
Всё, что ей ни кинешь, жадно заглотает.
Звучны в заводи тенистой рыбы всплески,
Пальцы рвут в азарте тонкий волос лески,
На крючок насажен жирный вкусный шитик,
И Серёжка замирает, как в забытии.
Глянуть сбоку, он не жив, ну точъ – картинка,
Но, вот клюнула кровавая гусинка,
И картинка моментально оживает
И Серёжка ловко рыбу подсекает!
Красногрудая, блестящая плотвица,
Не успев, наверно, толком удивиться,
Через миг уже тоскует на кукане,
Философствуя о жизненном обмане!

Пробежали три часа единой нотой,
И теперь Серёжка занят лишь заботой,

Как бы так ему нести свои трофеи,
Чтобы все их лицезрели ротозеи!
И решил пойти он дальнею тропею,
Что, по берегу змеясь по-над рекою,
На широкий луг проворно выбегала,
А потом в полей просторы уползала.
Три огромных валуна всегда лежали
С краю луга, будто травы охраняли;
Малость самую Серёжка утомился
И для отдыха на камне примостился.

Раз-другой раскрыло парня рот зевотой,
Веки сладкою наполнились дремотой,
Но вдруг резко разорвалось сна лобзанье,
И споткнулся ритм размеренный дыханья.
Рядом с камнем, где Серёжка примостился,
Не понятно, как? откуда? очутился
Аист бело-чёрный – это всё реально! —
И смотрел в глаза Сережкины печально.
И Серёжка, как в какой-то доброй сказке,
Подошёл к красивой птице без опаски,
Улыбнулся, потянулся к ней руками,
Но увидел пятна крови под крылами.

Этим летом жил Серёжка во временке,
Места здесь немногим более, чем в танке,
В долгий дождик сыро, в ясный день жарища,
Но, однако ж, – персональное жилище!
Здесь с Серёжкой и аист поселился,
Он спокоен был, на волю не стремился,
Но ходил за новым другом всюду следом,
Будто циркуль, метр отмеривал за метром.

Как умел, лечил Серёжка крылья птицы,
Тщетно звал ветеринара из больницы,
Но тот вечно то с похмелья, то в запое
Или что-то ещё важное такое.
И не стал Серёжка кланяться кому-то,
Птицу он теплом души своей укутал,
Он беседовал с ней долгими часами,
Реже видется стал с верными друзьями.
Как он им бы объяснил, – да не поверят,
Только взглядами презрительно измерят, —
Что он, аист, друг такой же закадычный,
Пусть обличем своим и необычный?!

Нет, Серёжка не был заперт в келье тесной,
И друзей, с их жизнью шумной, интересной,
С их заботами, чудачеством, игрою

Обойти не мог он, ясно, стороною.
Был футбол, была рыбалка и купанья
И иные – спорта вне – соревнованья,
Были вылазки в чужие огороды
(Что тут грех таить, и мы из той породы!).

Голубика наливалась синевой —
Пропусти, поди, событие такое! —
Пацаны, взяв, кто бидон, кто туесочек,
Сев на велики, поехали в лесочек...

Мать Серёжки птице-аисту не рада,
Невзлюбила инвалида с полувзгляда,
И огромными глазами зло сверкала,
Только где её случайно замечала.
Эх, да спрятаться б в сарай неловкой птице
И сидеть там тише шороха ресницы,
Взор скучающий бросая за окошко,
Ожидая, ну когда ж придёт Серёжка!
Нет, не пряталась в камерке тесной птица,
Как увидит мать Серёжки, к ней стремится
И в глаза её заглядывает дерзко,
Будто что-то сообщить ей хочет веско!

— Что ты бегаешь за мною, худобИна?!
У меня отнять ты хочешь душу сына?
Он меня теперь почти не замечает,
Одного тебя, калеку, привечает!
Может, ты на землю послан сатаною

И теперь вот тут глумишься надо мною,
Мучишь плоть мою, коверкаешь мне душу?!
Но не думай, я всё выдержу, не струшу,
Мне достанет сил с тобою разобраться
И жестокости, чтоб сердцем не взорваться,
Коль пришлось по жизни нам не разминуться,
Знаю я, где ждут тебя и не дождутся!..

Да, хорош автомобильчик «Гранд Чероки»!
 Нежно муркает движком пятилитровым,
 Всё равно ему как ехать – вдоль дороги
 Или вдоль реки по кустикам ольховым!

Джип ведёт в себе уверенный мужчина,
 Как фортунистый игрок в азарте сладком,
 Подливает в кровь свою адреналина,
 Газу дав, как будто дав плетей лошадам!
 Рядом с ним «лицо кавказское» сидело
 И толкало в бок рукою то и дело:
 – Лёва, хватит гнать, притормози, довольно,
 Не дави педали газа, ей же больно!

– Не бойсь, ШалвОвич, будет всё отлично!
 Или – ШАлвович? Как правильнее, Жорка?

– Для тебя – не знаю, мне же безразлично,
 Как поставят ударенье в книге морга!

– Не пойму я, Жор, ты раз примерно тыщу
 На работе жизнью запросто рискуешь,
 Ведь привыкнуть должен мысленно к кладбИщу
 И спокойным быть! Так нет, сидишь, психуешь!

– Каскадёр я, Лёва, прав ты, но не смертник!
Мне ж за трюки деньги капают в конвертик,
А вот так вот, из-за лихости порочной,
Не хочу ломать я столб свой позвоночный!
Ты по жизни-то мужик почти спокойный,
И медлительным бываешь очень часто,
Но как только в джип залезешь свой разбойный,
Будто разума резонам скажешь: баста!

Лев усов лишь крИвит чёрную подковку,
А ногой своею жмёт акселератор.
Джип летит, как спринтер, мчащий стометровку;
Жора тихо превращается в вибратор!
Вдруг лицо его как солнцем осветило —
Это мысль лихая мозги посетила:
Он бутылку водки быстро открывает
И в себя всё содержимое вливает!

Пять минут прошло, не больше, а у Жорки
На лице довольство, глазки, словно щёлки.
Вот она, полезность крепкой русской водки:
Страх пропал, а мысли радужны, не чётки!
Но лечебную всю эту процедуру
Очень просто обернуть во зла обложку,
И тут важно чётко знать свою натуру,
Чтоб не сделать жизни радостной подножку!
Но артисты, а, тем паче, каскадёры,
Выпьют море, а съедят в закуску горы,
И себя в руках в любом удержат виде,

А особенно, когда их кто-то видит!!!
Только, разве, в блеске глаз заметен градус
Да язык полощет, будто рваный парус,
Но зато в речах осмысленность и точность,
А в эпитетах и красочность, и сочность!

Лев порою взгляд на Жорку переводит —
Тот рассказывает весело чего-то —
Без труда машины редкие обходит,
А дорога – как стрела, без поворота.
Но в прямой дороге в каждой миле – дрёмы
За деревьями, кустами притаились —
Чуть расслабился, попал во власть истомы,
И на два, на три мгновенья веки слились!..

Лев, казалось, лишь моргнул, ну, чуть подоле,
Было пусто ведь шоссе, и вдруг там – кто-то!
И колёса завизжали, как от боли,
И движок заглох на высших оборотах!

Жорка трезв стал, проглотив пол-анекдота:
– Ну, ты, парень, круто давишь тормозишки!
Превращусь с такой ездой я в идиота,
Ум покинут предпоследние мыслишки!

– Погоди ты, Жора, лучше посмотри-ка,
Я своим глазам отказываюсь верить!
Только выводов не строй, не нужно крика,
Сам попробую всё это я измерить.

На дороге, от машины недалече,
Находился аист, жалкий и убогий,
Но смотрел спокойно он, по-человечьи,
А ещё был этот аист одноногий!..

– Улетела, сынка, птица, улетела,
Видно, воли и свободы захотела,
Рождены ведь, как сказал когда-то кто-то,
Человек для счастья, птица для полёта!

Не поймёт Серёжка смысл и слов не слышит,
Он не видит ничего, почти не дышит,
Только бьёт тупая мысль осатанело:
Не дождался, улетел он, улетел он!
Но прошёл мгновенно шок, что ум треножит:
– Мама, ты же знаешь: он летать не может,
Да и если б мог летать, меня б дождался!
Ну скажи, скажи, куда он подевался?!

Не услышал ничего в ответ Серёжка,
Мать молчит. Он подождал ещё немножко,
Развернулся и пошёл, слезу глотая,
Прочь от мамки и времяночки-сарая.

На ночлег короткий солнце убегает,
Но раскрасить ёлок шапки успевает,
И стоят они, горды собой, но кротки,
Как на подиуме стройные красотки!

Обходил Серёжка улиц выкрутасы,

Но старания его, увы, напрасны,
Не нашёл он друга-аиста и следа,
И никто о нём из встречных не поведал.
Был Серёжка и в том месте, с краю луга,
Где нечаянно-нежданно встретил друга,
Посидел на тёплом камне, сняв ботинки,
На гранит пролив солёные росинки.
После, старческими мелкими шажками,
Двинул к месту, что называли «корешками» —
Там сосна наружу вырвалась корнями,
И они сплелись в причудливый орнамент.
Это было место игр и место сбора,
Здесь, с песчаного – до речки – косогора,
Широко был виден Оредеж ленивый
И противный берег, низменный, плешивый.
Тут и думал просидеть Серёжка ночку,
Будто пьяница с бутылкой – в одиночку,
Но друзья его задумки просчитали —
И давно в заветном месте поджидали.

– Вот и он! – подпрыгнул Лёвка. – Как делишки?
Ну, нашёл следы какие аистишки?
Зря ты бегаешь по улицам бездумно,
Нужно делать это, Серый, всё разумно!

Лёнька с Жоркой на Серёжку не глядели,
Чуть ссутулясь, на корнях кривых сидели;
Сашка молча теребил то нос, то ухо,
Будто там сидит назойливая муха.

И Серёжка осознал: друзья здесь вместе,
Чтобы он узнал печальное известье.
Он сжал пальцы в кулаки, вбил локти в тело,
Посмотрел на Лёвку яростно и смело:
– Говори, ведь ты стораешь нетерпением
Поразить меня каким-то сообщением?

И услышал, словно строки приговора:
– Аист твой сейчас у Тольки-живодёра!..

Аист, весь в крови, стоял, прижавшись к стенке:
Переломлена одна нога в коленке,
Глаз единственный, мутнея, угасает,
Чёрно-белый аист тихо умирает.
Но Серёжку он увидел, встрепенулся,
Полумёртвый, всё же к другу потянулся,
И упал, и дрожь по телу пробежала,
Мёртвой птица чёрно-белая лежала...

– Да какое там, к Аллаху, совпадение! —
Нервно Сашка теребит бородки паклю. —
Говорю вам, братцы, это – провиденье,
Божий знак! А ну-ка, Лёнь, плесни мне каплю!

Лёнька – главный разливальщик-дозировщик,
Он теперь в себе уверен, губы влажны,
Он с бутылкой, как с жезлом регулировщик,
Его действия спокойны, точны, важны:
– Нет, Сашок, о капле речи быть не может!
Полстакана для тебя сейчас на пользу!
Утопи-ка ты червя, что душу гложет,
Водка, верь, любую выдернет занозу!
Лёвке столько же налью, а каскадёру,
Правда, каплю, символически, для виду.
Ты не против? – Бросил Лёнька взгляд
на Жору. —
Если против, то скажи, не прячь обиду!

– А себе какую дозу ты наметил? —
Хмыкнул Лёва. – Просвети-ка нас, дружок.

Лёнька думал миг один, потом ответил:
– Я – без доз, хлебну из горлышка глоточек!

Лев раскуривал гаванскую сигару.
Он курил довольно редко, но, бывало,
В плен попавши к алкогольному угару,
В нём желанье страсти пагубной всплывало.
— Ну и долго будем дым глотать в молчаньи? —
Оглядел ребят он тёмными глазами. —
Помолчать изрядно любят англичане,
Мы же, русские, известны голосами!

— Это, Лёва, ты чуть-чуть поторопился, —
Пальцем Жорка погрозил ему игриво, —
Ты, конечно же, в Россиюшке родился,
Но вот корни-то твои — из Тель-Авива!

— Да тебе бы помолчать, грузО-кореец! —
Лёвке явно эта тема бьёт по почкам, —
Ты ж по виду — недоразвитый индеец!
Сядь на лошадь и гоняй её по кочкам!

И посыпались эпитеты, глаголы,
Темпераментом напОенные сочно,
Вряд ли их ребята вынесли из школы,
Я не помню там такого, это точно!

Лёнька хмыкнул и налил ещё по кругу:
— Вы, ребятки, я смотрю, совсем приплыли!
Это ж надо, тыкать нацией друг другу!
Жаль, без вашего совета вас родили!
Мы ведь все почти тут явные гибриды,

Только Сашка, вон, породистый, зараза,
Так давайте спрячем к чёрту все обиды
До иного, исключительного раза!

В Лёнке кровь эстонки тихо протекала
С русской вместе, но страстишки убивала,
Жар эмоций продуктивно охлаждала
И спокойствие в итоге порождала.

– Не пойму, в дурдоме я иль на погосте?! —
Сашка выкрикнул породистый. – Ребята!
Вы забыли? Здесь, в земле, Серёжки кости —
Друга нашего любимого и брата!
Мы с пелёнок вместе жизни суть хлебали,
Из одной сосали баночки сгущёнку,
Друга дружки наций мы не замечали,
Да влетит ли чушь такая в мозг ребёнку!
Что теперь случилось с вами? Повзрослели?
В панцирь чёрствости оделись, как по моде?
Да, обветрились сердца и огрубели,
Растеряли нежность в жизненном походе!..

Сашка грустно улыбнулся, влил глоточек
Тёплой водки в рот сухой, но поперхнулся,
За оградку сплюнул, взял из брюк платочек,
Вытер губы им, глаза и отвернулся.

– Зря вбиваешь, Сашка, в нас эмоций гвозди, —
Аккуратно Лёва пепел сбил с сигары, —

Мы ж о нациях базарим так, без злости,
Впав в объятия товарищеской свары.

– Посмотрел бы на себя со стороны ты
В миг, когда ты к этой сваре впал в объятия:
Скулы блЕдны, глазки злостью поприкрыты,
А кадык, как поршень, тянет вверх проклятья!

Жорка тут же спародировал толково,
Как проклятия рождались в Лёвки чреве.
Все смеялись, лишь Сашок смотрел сурово:
– Ты-то сам шипел, как тощий змей на древе!

Жорка в мышечный корсет был упакован,
Каскадёр ведь дело, знамо, силовое,
Но зато прослойкой жира не был скован —
Ну не любит жира тулово худое!

– Прав ты, Сашка, все мы очень изменились,
Бросил он, – да и не в лучшем направлении,
Явно бесы в нас рогатые вселились —
Мы живём в каком-то мерзком озлобленьи!
Жизнь нас давит всё сильнее, как гидропрессом,
Вьёт канат из нас и в петлю его крутит,
Мы же молимся не богу – интересам,
Наплевав на то, что было и что будет!
Ну-ка, Лёнька, всем налей стакан до краю,
Будем пить, плевав на наций разделение,
За Серёжку, ведь он слышит нас, я знаю,

И за птицу эту – божье провиденье!

Яма вышла глубиною до подмышек,
 В яме аист, рядом пятеро мальчишек,
 Непривычно успокоены и кротки,
 У Серёжки – на щеках кривые тропки.
 Всё по древним ритуалам совершали:
 Горсть земли поочерёдно вниз бросали,
 Над могилкой холмик сделав неумело,
 Помолчали, в думы впав оцепенело.

Первым Лёвка разорвал молчанья плёнку:
 – Хватит, ребя, слёзы лить по аистёнку,
 Да какой бы ни была прекрасной птица,
 С человеком никогда ей не сравниться!
 И ещё: ведь вечной жизни нет на свете!
 Или вы о том не слыхивали, дети?
 Так послушайте меня, авторитета, —
 Все мы будем там, где нынче птичка эта!

– Пацаны, а правда, – Лёнька встрепенулся, —
 Что мы плачем, будто свет перевернулся?
 Мы о птичке все потом повспоминаем,
 А сейчас пойдёмте, мячик попинаем!

– Точно, парни, – Жорка шумно потянулся,
 Интерес в его глазах тотчас проснулся, —

Ну, пойдём играть, а то чего-то тошно,
Я и мячик подкачал с утра нарочно.
Мы уже почти неделю не играли:
То в лесочке голубику собирали,
То – по Утру или с вечера – рыбалка,
А футбол всё мимо. Мне так очень жалко!

Сашка тоже оживился: – Слышь, Серёга,
Может, правда, поиграем хоть немного?
Позабудешь ты в игре свои печали,
Да и мы уже порядком поскучали!

Но Серёжка будто слов друзей не слышит,
На его лице узор из скорби вышит,
Взгляд упёрт в неровный холм могилки свежей,
И наивности во взгляде нету прежней.

– Слушай, Лёвка, вы идите, мы же – после,
Я побуду здесь чуток, Серёжки возле,
Ведь ему сейчас тоскливо, тяжело, плохо, —
Сашка горького не сдерживает вздоха.

Лёвка бросил лишь: – Ну, я офигеваю!
Из-за птички горю, право, нету краю!
Ладно, всё, мы за мячом и на поляну,
Ну а ты уж помогай тут истукану!..

Сашка прутики бросал в поток теченья
И искал слова для друга утешенья,

Только мысли в голове в ком ватный сбились,
И слова, те, что нужны, не находились.
И себя он вдруг почувствовал ребёнком
Перед возрастом одним с ним пацанёнком.
Сашка понял: утешать того не надо,
Но втекла в него обидная досада.
На ребят, что мяч пинать умчались дружно,
На сочувствие своё, что и не нужно,
На Серёжку, не сказавшего ни слова,
И на птиц дурацких рода аистОва!
Сашка сплюнул в речку горькую обиду
И сказал, зла не показывая виду:
– Я тебя, Серёжка, очень понимаю,
Твоё горе к сердцу близко принимаю...

– Помолчи, Сашок, пожалуйста, немножко, —
Неожиданно прервал его Серёжка,
Наконец-то от могилки отвернулся
И легко, но грустно другу улыбнулся:

– Лишь тебе скажу, другие пусть не знают,
Ведь они меня совсем не понимают,
Не от дурости и злобности сознания,
Нет, ещё не доросли до пониманья.

Сашка, слыша это всё, обалдевает,
И уж кто-кто, ну а он соображает,
Что ровесник и друган его Серёга
Стал взрослей его сегодня и – намного!

– Помнишь, Саня, мы фантастику читали
О разумных существах, что обитали
Не в глуби Вселенной, где-то в дальнем далье,
Нет, здесь, с нами, на земле, в иной реальности?
И они являлись людям постоянно,
Но в обличьи не своём, что было б странно,
А могли стать человеком, зверем, птицей,
Насекомым, даже маковой крупницей.

Сашка рот раскрыл, глаза – два синих блюда:
– Это что же, Серый, аист, он... оттуда?!

Но Серёжка лишь пожал плечами вяло,
Улыбнулся снова, но теперь устало:
– Я с ним много говорил не вслух, беззвучно,
Может, это абсолютно ненаучно,
Но я видел те слова, они сверкали
И как дивные растенья расцветали!
И понятны были мне цвета и блики,
Даже запах их – как запах земляники!
Не могу пересказать тебе за день я
Эти красочные чудные виденья!
Но поведал аист мне о светлом мире,
Где мы будем жить и где мы прежде жили,
Но не всякий там окажется, ведь это —
Мир покоя, вечной радости и света!

Сашка слушает Серёжку без дыханья,

Всё, что тот твердит, за гранью понимания,
Но сейчас то понимание и не надо,
Знает Сашка твёрдо, что всё это – правда!

ГЛАВА ВТОРАЯ. СЕРЁЖКА

*«Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу, Может,
кто-то, когда-то поставит свечу...» —*

В. Высоцкий.

1

Белых пятен на планете нашей нету,
Всё на ней давно открыто и известно,
Путешественники, ползая по свету,
Описали мир подробнее и честно.
Альпинисты покорили всё в Тибете,
В Гималаях, в Кордильерах, на Памире,
Разогнали симпатичных добрых йети,
Что спокойно проживали в горном мире.
Батискафы, толщи вод морских буравя,
Колют вечный мрак прожекторною пикой,
Население глубинное пугая,
Что ко дну прижато тяжестью дикой.
В льдах арктических тропинки протоптали,
Антарктиду – нежилую – заселили,
Всё открыли, всё увидели, узнали,
Пятна белые проворно расцвелили.
Да чего – Земля! – и космос весь обшарен,

Пообщупан ультра-инфиро-икс-лучами,
Всё понятно: мир иной, нет, не реален,
Коль его не можем видеть мы очами!

2

Морю этому неведомы границы,
Не достигнуты никем его глубины,
Гривы вспенивая, волны-кобылицы
Не встают тут на дыбы. Они невинны.
Не бушуют здесь тайфуны, ураганы,
Не шныряют озорно воронки-смерчи,
И не ищут удалые капитаны
С бабкой в белом роковой весёлой встречи!
Не найдёте вы пустынное пустыни,
Чем то море, дрёмой полное до края, —
Будто кто его опутал в паутине,
Силу, скрытую в нём, сладко подавляя.

Но в любой пустыне есть оазис чудный,
Взоры, души он всегда ласкает нежно,
Только путь к нему бывает очень трудный,
Да и встреча с ним, увы, не неизбежна!

Есть оазис в океане сонном! Вот он:
Остров, тёмными скалами обнесённый,
С островком вторым широким длинным мостом —
Будто за руки взялись – соединённый.
Но искать не торопитесь вы на карте
Это чудное природы сотворенье!
Ну да ладно, чтоб всё ясно было, знайте:

Это – мир иной, другое измеренье!

3

– Где ж ты, ветер? В кои дали унесённый?
Прилети, взъяри мир этот, вечно сонный,
Воды мёртвые завей ты бурунами,
В вал сотки их и на берег брось цунами!
Пусть скала слезами каменными всплачет,
Охнет громом, затрещит, живая, значит,
Содрогнётся от морской водицы душа,
А вода вдруг опьянеет, берег руша!
И вздохну тогда хоть раз я полной грудью
Свежим ветром, а не этой сладкой мутью,
подавлю тоску на малое мгновенье,
Где ты, ветер?! Пусть не шквал, хоть дуновенье!..

Нет, спокоен воздух тут, не завывает,
Зря к стихии человек со скал вызывает,
В этом мире катаклизмы не бывают,
Тут не люди, тут их души обитают.
Без телесности легко ведь и спокойно,
Не щекотно, не чесоточно, не больно,
Нет страданий от мороза, перегрева,
И не просит жрать пустое вечно чрево.
Да, здесь души полной мерой отдыхают,
Пусть тела их где-то гилью истлевают,
Нет о прошлой жизни в памяти намёка,
Крепко спят и страсть любви, и страсть порока!

Но и тут, в забвеньи, проблески бывают,
И тогда иные души вспоминают,
Как они в другом, привычном, мире жили,
Как любили жадно, как легко грешили!
Кто-то вспомнит, сладко вздрогнет и... забудет,
Взрыв эмоций негой лениости остудит,
Он, как будто, жизнью той, телесной, нЕ жил,
Вечно здесь, в покое, душу свою нежил.

А другой, всё вспомнив, словно расцветает,
И покой его нещадно покидает,
Но приходят нетерпенье и досада —
Рай окажется ему мрачнее ада!
Всё, что было здесь прекрасно и велико,
Станет тягостно, противно, скучно, дико —
Жизнь без страсти, что взрывает в клочья сердце,
Как красивая еда без соли, перца!
И тогда он к морю спящему шагает
И бушующие ветры призывает,
Но, свирепые, лишь в нём режут тайфуны,
Перетянутые, рвутся страсти-струны!..

На скале сидит Серёжка, глядя в море,
Но ни волн, ни ряби нет в его просторе,
Нет и солнца здесь, – лишь ровный свет струится, —
Но какая-то парит выОко птица.
Он за нею равнодушно наблюдает,
Вдруг – как вспышка! – что-то он припоминает!
Птица ниже опустилась, и в мгновенье
Бело-чёрное узнал он оперенье!
И тотчас же словно дождик начал капать —
Это яркими мгновениями память,
Растворив легко забвения окрошку,
Возвращалась ненавязчиво в Серёжку.
Всё, что годы (иль века?!) укрыто было,
Будто ил со дна реки в дождь летний всплыло,
Сердце, пусть его и нет, затрепетало
И по венам кровь, которой нет, погнало.

Ну, а аист опустился плавно к скалам,
Их коснулся, сжался в ком, а после стал он
Невысоким светлым парнем в белой тоге,
В сандалетах золотых на босы ноги.
А Серёжка тут заметил, что и сам он
Облачён в красивый белый чистый саван,
На руках его прозрачные браслеты,
Ноги в белые обуты сандалеты.

Но его всё это мало поражает,
Он на аиста глядит и восклицает:
– Значит, было то взаправду, не в дурмане?
И тогда не фантазировал я Сане?

– Нет, – Серёжка помолчал. – Нет, ты не странник
Из иных миров, ты – божеский посланник,
Да, я понял, наконец, ты – Ангел! Значит,
Я в раю. Но почему душа так плачет?
Здесь уют, здесь тишина и много света,
Нескончаемое, ласковое лето.
Одного же нет: блаженства и покоя!
Разве может, Ангел, быть в раю такое?

– Ты не можешь пасть в объятия покою,
Потому что нагрузил себя виною,
Но поверь, она тебя напрасно гложет —
Что ж, случается и то, что быть не может!
Не кори себя, что сделано тобою,
Предначертано всевышнею рукою,
Можно в горе слёз потоки лить печально,
Но, однако ж, всё на свете не случайно!

– Но зачем была нужна твоя кончина?!

– И для этого имеется причина.
Ты уж этим удовлетворишься ответом.
Я ж хочу тебе сказать о мире этом.
Здесь, как сам ты догадался и приметил,

Только те, кто был душой при жизни светел,
Ты не можешь тут увидеть хоть кого-то,
Но поверь уж мне, их, светлых душ, – без счёта!
Есть другой мир с нами рядом, но он тёмн,
Внешне – малый островок, внутри ж – огромен
(Впрочем, тут объём, границы – вне понятий!),
Души грешные там жаждут для объятий!
Кстати, Толька-живодёр там прозябает,
За греха сласть полной чашей получает,
Те, к кому он там попал, шустры и прытки —
На себе он ощутит свои же пытки!

Ангел, это говоря, сверкнул очами,
А Серёжка передёрнулся плечами,
Он представил, как в кровавой мгле, в чертоге,
Только с хрустом переламывают ноги!
И в Серёжке тут же вспыхивает жалость,
Злости нет, да ведь её и было малость.
Только Ангел мысль легко его читает:
– Каждый всё, что заслужил, – ТО получает!
Ты же хочешь знать одно: а как друзья там?
Как и чем живут, когда тебя нет рядом?
Помнят, нет ли скорбь прощания минуты,
Или сбросила легко с них память путы?

Снята с памяти последняя заплата,
И Серёжка видит: вот они, ребята,
Опускают молча в яму гроб дощатый
С ним, в его же день рожденья двадцать пятый!

Вспомнил всё Серёжка: смертное мгновенье
И случившееся перевоплощенье —
В первый раз его так лёгкость опьянила,
Будто чья рука вес тела удалила!
Миг ещё прошёл, и снова измененье:
Он прозрел, но необычно было зренье,
Видел он одновременно всё и всюду,
Но отнюдь не удивлён тому был чуду.
Видел он, как речка матово блестела,
А по ней плывёт безжизненное тело,
И тогда Серёжка думает спокойно:
«Это я там». И ему совсем не больно.
Нет, в нём радостная блажь и облегченье,
Что его земные кончились мученья.
Как же жизни наслажденья донимают,
Если близкие тебя не понимают!
Но ни злобы, ни презренья, ни упрёка
Нет в душе Серёжки, даже и намёка,
Ни к друзьям, что часто ранили словами,
Ни к его всегда сухой, прохладной маме.
Да, конечно, коль в резоны углубиться,
Как понять того, кто ждёт годами птицу?
Ведь любого, вон, спроси, он скажет: «Значит,
По такому дом дурной тихонько плачет!»
Даже Сашка, что Серёжке верил свято,

Относившийся к нему милее брата,
Но и тот с годами как-то отдалялся,
Знать, в нормальности Серёжки сомневался!
Он и сам порою думал: «Может, разум
Из меня со смертью птицы вышел разом?
Я ни с кем не вёл бесед в ночи до света
О прекрасном и желанном мире светлом?»
Но всегда, когда в себе он сомневался,
В нём всё тот же голос тихо раздавался,
И настолько этот голос был реален,
Что Серёжка убеждался: он нормален!
И тогда те тревожненья и печали,
Что друзья, о нём заботясь, источали,
Он легко воспринимал, без раздраженья,
Своего к ним не теряя уваженья.

Но однажды он проснулся, тих, спокоен,
Зная: жизнью он своей уже не волен,
И впервые в нём покой и много света,
И он понял, что свершится скоро ЭТО!

Тихо выслушал Серёжка возраженья,
Что нельзя, мол, отмечать впрок дни рожденья,
И сказал спокойно, даже равнодушно:
– День рожденья этот мой, и мне так нужно!

– Ладно, парни, что кричать, – пробасил
Лёва, —
Спорить с Серым, все мы знаем, бестолково,
Хочет справить юбилей свой – ради бога,
Шизанутым и упёртым – путь-дорога!
Только если что вдруг сложится нескладно,
К нам претензий не имей, Серёга, ладно? —
Речь закончил Лёва, руки потирая,
Как Пилат, Христа к Голгофе посылая.

А Серёжка не смотрел в глаза ребятам!
Да, себя осознавал он виноватым,
И сжимало сердце жалостью и болью,
И оно, хрипя, захлёбывалось кровью!
Рассказать бы всё друзьям, душой не плача,
Но Серёжка знал: они поймут иначе,
Хорошо, коль посмеются, посудачут,
А возьмут и в дом «хи-хи» его упрячут!
Он и сам узреть не мог в чаду наитий
Даже малой части будущих событий,

Пусть он ждал их и со страхом, и с волнением,
Но и с радостно-зудящим нетерпением!
Знал одно Серёжка: что бы ни случилось,
Как бы нынче жизнь его ни изменилась,
Он теперь другой – взрослее и мудрее,
И желает одного лишь: поскорее!

Пили весело и много, не щадили
Ни сердец, ни почек, ни в мозгу извилин!
Да не просто это пьянка, – повод важный:
Двадцать пять в год исполняется не каждый!
Пусть в один год всяк из них на свет явился,
Но Серёжкин день всех более ценился,
Ведь всегда ребят пятёрка отмечала
День рождения и отдыха начало!

Солнце яростно июньское сияло,
Алкоголь в стаканах быстро нагревало,
Водку тёплую кровь впитывала губкой,
Тело делалось смешным, улыбка глупой,
Голова Серёжки хмеля не держала,
В нём внутри всё нетерпением дрожало.
Вдруг, в груди его кольнуло очень больно,
После сделалось легко, тепло, спокойно,
А затем его неведомая сила
В направлении речки жёстко потащила.
Ноги делали шаги помимо воли,
Но в них не было ни тяжести, ни боли.

Перед самою водою он запнулся,
На друзей, сидящих сзади, оглянулся,
Но веселье в самом пике у народа,

Нет, его не заметили ухода.
Сашка пальцами пощипывает струны,
Выводя узор мелодии нетрудной,
Лёнька, глаз прищуря, с фальшью подпевает
Об окне, что на стене вовсю сияет;
Жорке что-то зло втолковывает Лёва,
Не давая парню вставить и полслова,
И рука его, как сабля палачёва,
Рубит воздух экономно и толково.

– Всё, покеда, друганы! – шепнул Серёга. —
Извините, что я мучил вас так много,
Что мои решали часто вы проблемы,
Исковеркав свои нервные системы!
Что со мною будет дальше, я не знаю,
Есть ли светлый мир какой, страна иная?
Буду празднен я иль дО смерти устану?
Только помнить вас, клянусь, не перестану!
Я вернусь к вам или плотью, или духом,
Пусть не видим глазом, пусть не слышим ухом,
Но, когда меня душою вы коснётесь,
Как от сна кошмарно-пьяного очнётесь!..

Плыл Серёжка на спине, раскинув руки,
Умерла природа будто: стихли звуки,
Не плеснёт волна, его не покачает...
Вот, он в синем небе точку замечает.
Точка быстро вырастает – вниз стремится,
Становясь знакомой бело-чёрной птицей!

И тогда Серёжка лёгкость обретает
И свободно, плавно к аисту взмывает!

Это было ощущение вне понятий!
Во сто крат милей красавицы объятий,
Круче в тыщи раз хмельного опьянения,
Слаще власти безграничной упоения!
Распростившись со своей душевной болью,
Пил свободу и покой Серёжка вволю,
Он как будто с гор скалистых рухнул в пропасть,
Но не смерть нашёл, а радостную лёгкость!
Он парил, летал, уже привыкнув к чуду,
И не просто так, он сразу был повсюду,
Где угодно мог мгновенно очутиться,
Лишь о том мысль успевала зародиться!
Он летал, но не один – с сопровождением:
Аист рядом с ним, блистая опереньем,
Находился и держался строго, гордо,
Молчаливо. Только знал Серёжка твёрдо,
Что, конечно, никакая он не птица!
Но в кого же он когда-то обратится?
Кем он станет, сняв пуховую одежду?
Вот одно, чего не мог узнать Серёжка.

Как ему всё в ипостаси этой ново!
Нет пространства, нету времени земного,
А над чувствами его одно главенство:
Безграничное и светлое блаженство!

Только раз, помимо воли, оказался
Он над местом, где и быть не собирался:
Сосны кроны здесь свои печально клонят,
И увидел он, что там ЕГО хоронят.
Вот друзья стоят в молчании надрывном,
Вот и мать в платочке чёрненьком, противном,
Кто-то бодренький, в костюмчике опрятном,
Говорит, каким покойник был приятным;
Вот гроб ловко в ямы чрево опускают,
А потом песочком жёлтым засыпают,
Ставят в ноги пирамидку со звездой,
Свежий холм убрав цветами и хвоёю.
По стаканам ловко водку разливают,
Молчаливо, торопливо выпивают
И жуют (в душе собою явно горды!)
С ветчиной и колбасою бутерброды.

Всё Серёжка это видит равнодушно,
Улетел бы он, но знает: тут быть нужно,
И тогда он, на друзей взирая лица,
Хочет как-то перед ними проявиться.
И тотчас же ветер холод насылает
И по небу тучку чёрную пускает,
Ну а та – ей явно здравый смысл неведом! —
Плачет скорбно, но не дождиком, а снегом!

Всё Серёжка это вспомнил ясно, чётко,
 Боль пришла, как будто стан обняла плётка,
 Но следы её объятий не на теле —
 На душе его нагой рубцы алели!
 Сколько лет прошло, как тут он оказался?
 Он не плакал, не скорбел, не волновался,
 Жизнь его была ни радость и ни мука,
 Лишь бездонная, с тоской тягучей скука.
 Ах, душа его отвыкла от терзаний,
 Как алкаш от кайфа в годы воздержаний!
 Но теперь же насыщалась с упоением
 Скорбью, радостью, живительным волненьем!

– Как же быть?! Ведь душу я порву на части!
 Помоги мне, Ангел, если ты во власти!
 Хоть одним глазком взглянуть: а как там братья?
 А потом плевать! Хоть к дьяволу в объятия!

– Ожидаю я давно тебя азартно! —
 Прозвучал басок надтреснутый внезапно.
 На мгновенье свет, как шторой, затемнился,
 И, Серёжки возле, некто появился.
 По обличью он как Ангел оказался,
 Только голосом своим с ним различался.
 Будто братья-близнецы, лишь взгляд теплее

Брата первого, второго – холоднее.

«Это дьявол? – удивлён Серёжка явно. —
Да, в фантазии людской не всё исправно,
Раз рисуем мы его ужасным монстром
С пастью страшной, при хвосте и с рогом
острым!»

– Ну, не нужно удивляться. Право, внешность
Значит так же мало, как в раю безгрешность! —
Произнёс и этим явно наслаждался
Тот, второй, что здесь позднее появился. —
А по сути: вы привыкли в вашем мире
Всё делить на зло-добро, мол, или-или,
В этом вы поднаторели и немало:
Бог добру, а дьявол злу у вас начало!
Ну а наша с ним душа (кивок на брата!)
И добром и злом до краешков богата,
Но различны ипостаси в мире этом:
Я – на тёмном островке, он – здесь, на светлом.
Есть ещё у нас один брат – повелитель
Ваших душ, их чистоты определитель,
Он поступки ваши все учтёт до точки
И укажет, на каком быть островочке!
Мы потом свою работу совершаем:
Память вашу возвращаем и стираем,
Нужно помнить всё, чтоб мук усилить действо,
Для покоя память – это как злодейство!

– Это точно, мы когда-то проходили,
Жизнь загробную на рай и ад делили,
Но, по правде, я до сказок не был жаден,
А к религии совсем душой прохладен.
Лишь с одной сказкой я посмел сродниться,
Эта сказка – друг неожиданный, аист-птица,
Но, как только птичья жизнь так зло прервалась,
То во мне для сказок места не осталось!

– Я тебе уж говорил: так было надо! —
Светлый Ангел бросил быстрый взгляд
на брата. —
Но, однако ж, ты хотел в тот мир вернуться,
Где пришлось тебе со злобою столкнуться?

– Да, хочу, мечтаю, жажду. Скорее!
Мир тот, знаю, и светлее и добрее!
Там друзья, и им нужна моя подмога,
Ангел, милый, помоги мне, ради бога!
А потом сотри мне всю, до дырки, память,
Чтоб не смог я ни смеяться и ни плакать,
Жить в раю с живою памятью – мученье,
Муки ада с ним в сравненьи – развлеченье!

– Это ты сполна проверишь, обещаю, —
Тёмный Ангел прохрипел, – я не страшая,
Но за это номинал цены ужасен!

– Наплевать! – сказал Серёжка. – Я согласен!

– Ты уже на этот остров не вернёшься
И от памяти своей не отвернёшься,
Будут в тёмном островке, тебя калеча,
Душу хрупкую ломать, как кость предплечья!
А поскольку мест тут лишних нет по благу,
То и ты своё уступишь, но не брату,
Будет занято оно подонком, вором,
Твоим недругом – Толяном-живодёром!

– Ну и пусть. – Серёжкин голос твёрд,
спокоен. —
Перед близкими во многом я виновен.
А Толян? Ну что ж, не весь же он из злобы,
Жил бы с папкой, мамкой, в нём родилось
зло бы?

– Ну, ты выбрал? – бросил Тёмный Ангел
резко. —
Нет в душе твоей сомненья, страха плеска?
Если есть, твою стереть мы можем память,
И в блаженстве здесь ты вечно будешь плавать.

– Нет, спасибо, я наплавался досыта
В том блаженстве, больше нету аппетита!
Ну, а страх? Конечно, есть, вопрос понятный,
Но свернуть я не посмею на попятный!

– Молодец, – сжал Тёмный Ангел губы криво,

Погрозил Серёжке пальчиком игриво,
Осмотрел свои ухоженные руки. —
Если б знал, какие ждут тебя там муки!

– Выбор сделан! – подытожил Светлый Ангел.

И в глазах Серёжки словно вспыхнул факел,
После всё укрылось плотной тёплой тьмою,
И Серёжка полетел, крутясь юлою...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЛЁВКА

«Я твёрдо на земле стою, кой-что меня печалит...» — В. Высоцкий

1

Не одно тысячелетие промчалось
С той поры, как Моисей взойшёл на гору,
И его евреев племя ожидало
С нетерпеньем, от какого в петлю впору.
Время тает, за неделей мчит неделя,
Ждать невмочь уже! Народ взроптал устало
И, предав Творца, создал, себя лелея,
Он тельца из благородного металла.

Моисей, согбась под тяжестью скрижалей,
Торопился, весть благую нёс народу!
Те же, всё забыв, от радости визжали,
Золотому низко кланяясь уроду!
Сжёл тельца пророк и прах его сдул в воду,
А потом дал пить её израильтянам,
Но прощенье всё же вымолил народу,
Правда, бошки пооткручивав смутьянам!

Мы умны теперь, по жизни шпарим смело,
Суеверия, незнания – не в моде!
Но одно тут странно: что ж мы озверело
Смысл не в Боге ищем, а в златом уроде?!

На окраине посёлка, над рекою,
Особняк – в три этажа – стоит вольготно,
Окружён зубчатой красною стеною,
Створки кованых ворот прикрыты плотно.
Всё внутри стены ухожено, опрятно,
Есть бассейн с водой кристально-голубою,
Рядом с ним шезлонги, в них тела приятно
Нежить, солнце ослепляя наготою.
Есть гараж на три авто и банька-чудо,
Двухэтажная, с верандой кольцевою,
И частенько пахнет радостно оттуда
То дубовой, то берёзовой листвою.
А какой – от клумб и правильных рабаток —
Аромат, кружащий головы, исходит!
Напоённый воздух им настолько сладок,
Что, пожалуй, брось дрожжей, и он забродит!

Возле стенки гаража вольер просторный,
Огороженный красивой крупной сеткой,
В нём сучает пёс лохматый и огромный,
Чёрен шерстью, но во лбу со светлой меткой.
В глазках-щёлках и во всей ленивой позе
Безразличье ко всему и всем на свете,
Но обманчив вид, и, чуть случись угрозе, —
Вскочит, рявкнет и любого съест на месте!

У ворот гаражных, настезь что открыты,
Джип «Чероки», нам знакомый, отдыхает,
Будто зверь стоит: огромный, хищный, сытый.
Раз тут джип, то здесь и Лёва обитает.
Да, его это домишко не убогий,
«Дачка летняя» – как всем он заявляет;
Лёва – практик, не сторонник трепологий,
Бизнесмен. И эту жизнь он круто знает!

3

Солнце жарит без стеснения и лени,
Приближается к полуденной высоте,
И заметные, насыщенные тени
Выцветают и становятся коротки.

Из дверей выходит – где там, выплывает! —
Длинноногое прелестное создание,
Прикрывая ротик, тянется, зевает,
Снять стараясь дрёмы сладкой состоянье.
А потом, по тропке, вымощенной плиткой,
Как была – нагая – медленно доходит
До бассейна и в него ныряет рыбкой,
И прохладное блаженство там находит!
После долгого купания красotka
В дом бежит всё той же каменной тропкой,
Грудки маленькие вздрагивают кротко
В унисон с такой же маленькою попкой...

Холодильник запотевшего дал пива,
Открывалка пробки рвёт, блистая сталью,
И, бутылки взяв, красotka торопливо
На второй этаж бежит, в большую спальню.
Там, в кровати, чуть поменьше стадиона,
Лёва сны свои досматривал неспешно,
Но рождало сновиденье всплески стона,

Знать, ужасно было или небезгрешно!
Но прелестное создание без раздумья
Лёвкин сон прервало действием умелым:
Одеяло ловко скинула, шалунья,
И на Лёвку навалилась влажным телом!

Тот подпрыгнул, заорав: – Ты что, сдурела! —
Глубоко вздохнул и снова пал в постели,
В никуда глядел, молчал оцепенело,
После: – Свет, пивка б, – шепнул он еле-еле.

– Ах, пивка тебе? – промолвила Светлана. —
А меня не хочешь маленький кусочек?

– Светка, ты же мне всегда-всегда желанна!
Но... сначала я хочу пивка глоточек!..

– Хорошо-то как! Теперь другое дело! —
Улыбнулся Лёва бодро и довольным,
И на Светку навалился тучным телом:

– Обалдел ты что ли, Лёвчик, мне же больно!

– Свет, напомни-ка вчерашний день малехо,
Что-то мозг мне выдаёт сплошные бредни!
Да, а кстати, я не вижу, где калека?
Не обидел ли я чем его намедни?

Света крИвит губки пухлые в презренье:
– Ну конечно, птичке все твои заботы!
Я ж – припёка с боку, вечно в отдалении,
Ты со мной лишь стресс снимаешь от работы!

– Ерунду ты говоришь, сама помысли,
Ты же мне как... – поле лба наморщил Лёва,
И в упавшей тишине слова повисли,
Но вот нужного не выискалось слова. —
Эх, чего там говорить, – махнул устало, —
Ты и так всё знаешь!.. Да, но где же птица?

– Боже, как же эта тварь меня достала!
Явно мне через неё ума лишиться!

– Вот, опять ты ерунду несёшь бездумно!
Нет, с тобой, я вижу, что-то не в порядке! —
Лёва встал, из лёгких воздух выдул шумно
И из спальни быстро вышел без оглядки.

Света, глазками извергнув слёзопалы,
Вся поникла, но красы не потеряла.
После, губки обрядив в пурпур помады,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.